

Итакъ, меньше всего должна занимать вниманіе дѣтей церковно-уставная сторона Богослуженія, больше всего—его художественный, священно-историческій символизмъ, его *переживаемость* православнымъ христіаниномъ,—богослуженіе, какъ средство таинственного общенія чловѣка съ Богомъ и источникъ невыразимо-высокаго нравственнаго наслажденія, счастья.

А. Соколовъ.

Къ проводамъ стараго года.

«Всю ночь, Господи, трудился и ничего не поймали», такъ жаловались ученики-рыбари, свосму Учителю, Господу нашему Иисусу Христу.

Вся наша жизнь отъ самаго рожденія—это только *одна ночь* нашихъ заботъ, трудовъ, печалей и радостей. Посему, на послѣдней стражѣ стараго и на зарѣ новаго года, позволительно намъ оглянуться на прожитую нами жизнь и поразмыслить: каковы наши труды за это время и можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, похвалиться, что *всю ночь трудились и не безплодно*.

Вотъ, представляется, въ нашемъ воображеніи, дѣтство наше и отрочество—время скоро переходящихъ печалей и незабываемыхъ радостей...

И думается, что за время расцвѣта весны нашей жизни, въ этомъ возрастѣ, не можетъ быть мѣста осужденію, какъ малымъ рыбалямъ я въ маломъ плаваніи по житейскому морю.

Но, къ великому нашему огорченію, это только думается, а, взглянувъ въ зеркало своей души, каждый долженъ сознаться, что слабости дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ, ничуть не уступаютъ порокамъ взрослыхъ. Маловѣріе, грѣхи 2-й и 3-й заповѣди Закона Божія, лѣнь, непочтеніе къ взрослымъ и непослушаніе родителей, злословіе, кражи, зависть и, чего даже нельзя ожидать отъ дѣтскаго организма,—грѣхи любодѣянія..., всѣ эти и многіе другіе пороки, присущіе возмужалому возрасту, получаютъ свои ростки съ нѣжнаго возраста нашихъ лѣтъ. Не будемъ вхо-

---

на земли такового вида, плн красоты таковыя, недоумѣемъ бо сказать; токмо то вѣмъ, яко ту отиудъ Богъ съ чловѣкъ пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыть тоя красоты; всякъ бо чловѣкъ аще вкуситъ сладко, послѣди же горести не примать, тако и мы не можемъ сдѣ быти“... (1 Софійская лѣтопись, г. 8495).

дить въ детальный разборъ этихъ печальныхъ явленій отроческой жизни. а вмѣсто этого повторимъ лишь слова пророка: „въ беззаконіи зачатъ есмь азъ и во грѣсахъ роди мѧ мати моя“.

Затѣмъ. Съ улыбкой радости вспоминается намъ наша юность.

Какъ тростникъ, колеблемый тихимъ вѣяніемъ вѣтерка, представляется она намъ: жизнерадостно-трепетная, полная расцвѣта силъ, здоровья и стремленій къ плодоношенію, по силамъ и дарованіямъ каждаго, сообразно наученія,—съ порывами сильныхъ желаній—занят подобающее мѣсто на пиру жизни. Всѣ недостатки и даже пороки этого возраста, почему то, оправдываются ссылкой именно только на этотъ возрастъ, словами благодушія: «молодь.... зеленъ еще: женится—перемѣнится» и т. д. въ этомъ родѣ.

И молодость эта, поощряемая снисхожденіемъ, прочно прививаетъ къ слабостямъ дѣтскаго возраста и пороки—до степени полной привычки къ нимъ.

И эти грѣховныя привычки, имъ же нѣсть числа, при переходѣ въ зрѣлый возрастъ, укореняются прочно и неизбежно во всей ихъ дѣятельности по роду занятій каждаго и составляютъ, въ послѣдующей ихъ жизни, основу или догму, въ цѣляхъ достиженія личнаго и семейнаго благополучія.

И немудрено, посему, что, напр., возведенная въ принципъ пословица, въ торговомъ мѣрѣ: „не обманешь—не продашь“, находитъ снисходительное отношеніе въ общественномъ мѣрѣн—ко всѣмъ обманамъ и кражамъ этого рода. Обмѣрить, обвѣсить, сбыть негодный товаръ за хороній, даже въ дѣлахъ общественныхъ благотвореній и различнаго рода организаций, не называютъ уже грѣхомъ, а, скорѣе всего, ловкостью, или умѣньемъ нажить деньги. Точно также и всѣ средства, практикуемыя въ жизни для цѣлей исключительнаго устроенія своего личнаго и семейнаго благополучія, какъ-то: мздоимство, лихоимство, подслуживаніе, заискиваніе....—вызываютъ въ насъ, скорѣе всего, зависть, нежели осужденіе къ лицамъ, достигшимъ своего благополучія и отличій, этими, роняющими достоинство человѣка, путями.

И, нѣтъ, кажется, живого мѣста въ нашемъ глѣбѣ и въ нашихъ мысляхъ, незагрязненныхъ пороками. Почему вопли справедливы слова одной молитвы на сонъ грядущій: „весь уды мой осквернихъ, растлихъ, не потребенъ сотворихъ“....

И живемъ мы съ этими грѣховными привычками отъ начала дѣтскихъ нашихъ лѣтъ и до конца нашей жизни со спокойною совѣстью не утруждая даже себя мыслью: сообразна ли наша жизнь съ законами заповѣдей Божіихъ. И что печальнѣе—многіе, почти все, не чувствуютъ на себѣ бремени тяготящей бездны грѣховъ; считая ихъ—малыми.—Такова уже сила привычки къ нимъ. И живемъ мы, не давая отчета въ своихъ грѣхахъ,—изо дня въ день, изъ года въ годъ....

Но, вотъ, ночь нашей жизни проходитъ, и близится день загробной жизни.... И, на переходной грани, приходится сознаться намъ, *что всю ночь трудились и ничего не поймали.*

И предстанетъ на судъ Божій одна наша бѣдная душа и.... все грѣхи съ ней вмѣстѣ. Богатство, чины, заслуги и все, чѣмъ заполняла она всю свою жизнь, въ погонѣ за земнымъ благополучіемъ, составлявшія предметъ ея радости, гордости и надеждъ, остались далеко позади, и были, лишь спутниками ея брэннаго тѣла до роковой могилы, съ немногими друзьями....

Горько восплачетъ бѣдная душа за будущую безпросвѣтную вѣчную жизнь. Пожалѣетъ она то время, когда, стоя на распутии двухъ дорогъ, пренебрегла идти узкой, но вѣрной тропой жизни, вступила на путь простора разнузданныхъ страстей своихъ. И теперь, готова была бы снова начать свою жизнь,—жизнь, безъ малѣйшаго просвѣта радости, полную лишеній, страданій, чтобы только избавиться отъ грядущей сѣни смертной. Но, ужъ поздно—ибо къ прошлому возврата нѣтъ....

Не поздно еще, бѣдная душа!—Ночь еще не прошла, хотя и близко разсвѣтъ. Все-жъ за эти немногіе, остающіеся часы, можно кой-что заготовить для безпечальной жизни наступающаго дня. Правда, что сдѣланныхъ дѣлъ не воротишь и не исправишь, какъ не воротить намъ и прожитую жизнь. Одно только можно успѣть—это отъ души сознать свои грѣхи, покаяться въ нихъ и, въ остающіеся немногіе часы, заглядить ихъ соотвѣтственными добрыми дѣлами.

Мы еще пока властны, знатны, богаты и сильны....

Такъ поспѣшимъ, хоть на разсвѣтъ дня, использовать свою власть и вліяніе на пользу ближнихъ своихъ, подчиненныхъ.... И съ отеческою любовью (братскою), войдемъ въ ихъ нужды, горести и печали. И тѣмъ самымъ исправимъ все то зло, какое причинила наша надменность и недоступность къ мольбамъ униженныхъ обстоятельствами жизни лицъ.

Мы еще богаты.... Такъ используемъ свое богатство на пріобрѣтеніе себѣ друзей-спутниковъ, не до могилы только, но до Престола Вѣчнаго Судіи—ходатаями и молитвенниками за дѣла милосердія къ нимъ. И текущая година испытаній, ниспосланная Господомъ Богомъ, какъ нельзя лучше даетъ широкое поле не только для благотворительности имущимъ достатки, но и самимъ страждущимъ можетъ служить—искупленіемъ грѣховной жизни. И тѣмъ самымъ мы зложимъ краеугольный камень къ своему возрожденію еще въ текущей жизни, для начала въ будущей....

Мы сильны... Направимъ же мыщцы своихъ силъ и познаній на помощь слабосильнымъ—при вступленіи ихъ въ жизнь и по пути хожденія по заповѣдямъ Господнимъ, а не по руководству одного собственнаго разума и влеченію страстей и плоти.

И, наконецъ, если мы сами нищи и убоги.—то раздѣлимъ и это послѣднее наше достояніе съ подобными себѣ: „нося тяготу другъ друга“, безропотно, славослова Господа Силъ, проявляющаго Свою силу „въ немощахъ людскихъ“.

И этихъ нашихъ дѣлъ пока достаточно будетъ, чтобы безпечально встрѣтить зарю наступающаго дня для жизни *новой—плодотворной*. И несомнѣнно должно вѣрить, что все почести и отличія, связанныя съ пріобрѣтеніемъ богатства и разныхъ заслугъ, не отымутся отъ насъ, а останутся всегда при насъ и, умножая—пріумножатся.

Діаконъ В. Саввинскій.

Отъ Романовскаго Комитета.

И иже аще напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея. (Ев. отъ Мате. гл. 10 ст. 42).

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-богатыри наши отдають свою жизнь на защиту родины отъ кроваваго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Повѣреніемъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на